

А. Чеховъ.

СВЯТОЮ НОЧЬЮ.

РАЗСКАЗЪ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія разсказъ допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

ЦѢНА 3 КОП.

Изданіе Московскаго Общества Трамотности.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1898.

Дорогіє Друзья!

Представляємъ Вамъ розказъ Антона Павловича Чехова «Святою ночью», написанный въ 1886 году.

Событія розказа завязываются въ Пасхальную ночь передъ тѣмъ, какъ авторъ планируетъ посѣтить храмъ для участія въ Свѣтломъ Праздникѣ – Христовомъ Воскресеніи.

На пути автора оказывается рѣка, которую слѣдуетъ пересѣчь на паромѣ. Происходитъ знакомство съ паромщикомъ, являющимся послушникомъ монастыря Іеронимомъ. Свое послушаніе въ этотъ день онъ уже отработаль, но изъ-за праздничной суматохи его не замѣнили.

Переживанія паромщика относительно невозможности его участія въ Свѣтломъ Праздникѣ накладываются на недавнюю смерть его друга Николая, ранѣе не понятого другими монахами.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію розказа отъ 1898 года¹.

Пріятнаго Вамъ прочтенія, Друзья!

¹ Чеховъ, А.П. Святою ночью / Розказъ / А.П. Чеховъ. – Изданіе Московскаго Общества Грамотности. – М.: Типографія Вильде, 1898.

СВЯТОЮ НОЧЬЮ

РАЗСКАЗЪ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія разсказъ допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Изданіе Московскаго Общества Грамотности.

Дозволено цензурою, Москва. 22 Апрѣля 1898 года.

МОСКВА.

Типографія Вальде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1898.

СВЯТОЮ НОЧЬЮ.

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣчку средней руки, молчаливую и задумчивую, коротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ! Буквально некуда было пальцемъ ткнуть. Тутъ были крупныя, какъ гусиное яйцо, и мелкія, съ конопляное зерно... Ради праздничнаго парада вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо... Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло въ разсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой, суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома! сказала я.

— А пора ему быть, отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаяешься парома?

— Нѣтъ, я такъ... зѣвнулъ мужикъ, — люминаціи ожидаюся. Поѣхалъ бы, да, признаться, пяточка на паромъ нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пяточокъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно... Ужо на этотъ пяточокъ ты за меня тамъ въ монастырѣ свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я и тутъ постою. Скажи на милость, нѣтъ парома! Словно въ воду кануль!

Мужикъ подошелъ къ самой водѣ, взялся рукой за канатъ и закричалъ:

— Иеронимъ! Иерони-и-имъ!

Точно въ отвѣтъ на его крикъ, съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ покотился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христокъ воскресъ! сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Иерони-и-имъ! послышался глухой, протяжный крикъ.

— Съ того берега кричать, сказалъ мужикъ. — Значить, и тамъ нѣтъ парома. Заснулъ нашъ Иеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я ужъ началъ терпѣніе и волноваться, но вотъ, наконецъ, взглядываясь въ темную даль, я увидѣлъ силуэтъ чего-то, очень похожаго на висѣлицу. Это былъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такою медленностью, что если-бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бы подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй, Іеронимъ, крикнулъ мой мужикъ, — баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канать, стоялъ высокій человѣкъ въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего такъ долго? спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите Христа ради, отвѣтилъ тихо Іеронимъ.
— Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Іеронимъ взялся обѣими руками за канать, изогнулся въ вопросительный знакъ и крикнулъ. Паромъ скрипнулъ и покачулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня, — значить, паромъ поплылъ. Іеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась «люминація», которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня: но далѣе въ стороны и позади нихъ, откуда несся бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета; она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега слышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво! сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! вздохнулъ Іеронимъ, — Ночь такая, господинъ! Въ другое время и вниманія не обратишь на ракеты, а нынче всякой суетѣ

радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ.... Радостный день нынче... продолжалъ Иеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорятъ выздоравливающіе больные. — Радуетя и небо, и земля, и преисподняя. Празднуеть вся тварь. Только скажите мнѣ, господинъ хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можетъ скорбей своихъ забыть?

Мнѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызывалъ меня на одинъ изъ тѣхъ «продлиновенныхъ», душеспасительныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хорошій, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь; въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродьяконъ Николай...

— Что-жь, это Божья воля! сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ. — Всѣмъ умирать нужно. По-моему, вы должны еще радоваться... Говорятъ, что кто умретъ подъ Пасху, или на Пасху, тотъ непременно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И писаніе ясно указываетъ на суету скорби, и размышленіе, прервалъ молчаніе Иеронимъ, — но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Иеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро.

— Умри я, или кто другой, оно бы, можетъ, и не замѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Никто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Стою я тутъ на паромѣ, и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ съ берега голосъ свой подаетъ. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Хорошая душа! Боже, какая хорошая и милостивая! У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай. Спаси, Господи, его душу!

Иеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый! сказала онъ пѣвучимъ голосомъ. — Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ вотъ сейчасъ будутъ пѣть въ заутрени: «о, любезнаго! о, сладчайшаго твоего гласа!» Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ? спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно вѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акафисты писать.... сказала онъ. — Чудо, господинъ, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отецъ архимандритъ у насъ изъ московскихъ, отецъ намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ, есть у насъ и іеромонахи разумные, и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродьяконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо! Истинно чудо!

Иеронимъ всплеснулъ руками и, совсѣмъ забывъ про канатъ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Отецъ намѣстникъ затрудняется проповѣди составлять; когда исторію монастыря писалъ, то всю братію

загоняль и разъ десять въ городъ ѣздиль, а Николай акафисты писалъ! Акафисты! Это не то, что проповѣдь или исторія!

— А развѣ акафисты трудно писать? спросиль я.

— Большая трудность... покрутилъ головой Иеронимъ. — Тутъ и мудростью, и святостью ничего не подѣлаешь, ежели Богъ дара не далъ. Монахи, которые не понимающіе, разсуждаютъ, что для этого нужно только знать житіе святого, которому пишешь, да съ прочими акафистами соображаться. Но это, господинъ, неправильно. Оно, конечно, кто пишетъ акафистъ, тотъ долженъ знать житіе до чрезвычайности, до послѣдней самомалѣйшей точки. Ну, и соображаться съ прочими акафистами нужно, какъ гдѣ начать и о чемъ писать. Къ примѣру сказать вамъ, первый кондакъ вездѣ начинается съ «возбранный» или «избранный...» Первый икосъ завсегда надо начинать съ ангела. Въ акафистѣ къ Иисусу Сладчайшему, ежели интересуется, онъ начинается такъ: «Ангеловъ творче и Господи силь», въ акафистѣ къ Пресвятой Богородицѣ: «Ангель предстатель съ небесе посланъ бысть», къ Николаю Чудотворцу: «Ангела образомъ, земнаго суща естествомъ» и прочее. Вездѣ съ ангела начинается. Конечно, безъ того нельзя, чтобы не соображаться, но, главное, вѣдь, не въ житіи, не въ соотвѣтствіи съ прочимъ, а въ красотѣ и сладости. Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтобъ въ каждой строчекѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепеть приходилъ. Въ Богородичномъ акафистѣ есть слова: «Радуйся, высоту неудобовосходимая челоуѣческими помыслы, радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акафиста сказано: «Радуйся, древо

свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи, радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози!»

Иеронимъ, словно испугавшись чего-то, или за стыдившись, закрыль ладонями лицо и покачалъ головой.

— Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное... пробормоталъ онъ. Найдутъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонить въ одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ...» сказано въ акафистѣ къ Иисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашель въ умѣ своемъ! Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобъ каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго. И всякое восклицаніе нужно такъ составить, чтобъ оно было гладенько и для уха вольготнѣй. «Радуйся, крине райскаго прозябенія!» сказано въ акафистѣ Николаю Чудотворцу. Не сказано просто — «крине райскій», а «крине райскаго прозябенія!» Такъ глаже, и для уха сладко. Такъ именно и Николай писалъ! Точь-въ-точь такъ! И выразить вамъ не могу, какъ онъ писалъ!

— Да. въ такомъ случаѣ жаль, что онъ умеръ, сказалъ я. — Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаемъ...

Иеронимъ спохватился и побѣжалъ къ канату. На берегу начали перезванивать во всѣ колокола. Вѣроятно, около монастыря происходилъ уже крестный ходъ, потому что все темное пространство за смоляными бочками было теперъ усыпано двигающимися огнями.

— Николай печаталъ свои акафисты? спросилъ я Иеронима.

— Гдѣ-жъ печатать? вздохнулъ онъ. — Да и

странно было бы печатать. Къ чему? Въ монастырѣ у насъ этимъ никто не интересуется. Не любятъ. Знали, что Николай пишетъ, но оставляли безъ вниманія. Нынче, сударь, новыя писанія никто не уважаетъ!

— Съ предубѣжденіемъ къ нимъ относятся?

— Точно такъ. Будь Николай старцемъ, то, пожалуй, можетъ, братія и полюбопытствовала бы, а то вѣдь ему еще и сорока лѣтъ не было. Были которые смѣялись и даже за грѣхъ почитали его писаніе.

— Для чего же онъ писалъ?

— Такъ, больше для своего утѣшенія. Изъ всей братіи только я одинъ и читалъ его акафисты. Приду къ нему потихоньку, чтобъ прочіе не видѣли, а онъ и радъ, что я интересуюсь. Обниметъ меня, по головѣ гладить, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя маленькаго. Затворить келью, посадить меня рядомъ съ собой и давай читать...

Иеронимъ оставилъ канатъ и подошелъ ко мнѣ.

— Мы въ родѣ какъ бы друзья съ нимъ были, зашепталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами. Куда онъ, туда и я. Меня нѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а все зато, что я отъ его акафистовъ плакалъ. Вспоминать трогательно! Теперь я все равно какъ сирота, или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простого знанія. Говорят, всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучать, шумятъ, кашляютъ, а Николай говорилъ всегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ, или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка, или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Иеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно вплывали въ заколдованное

царство, полное удушливаго дыма, трещащаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, ужъ ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ, странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоють пасхальный канонъ... сказалъ Иеронимъ, а Николая нѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церкви?

— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...

— Но развѣ васъ не смѣнять?

— Не знаю... Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ!.. А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...

— Вы монахъ?

— Да-съ... то есть я послушникъ.

Паромъ врѣзался въ берегъ и остановился. Я сунуль Иерониму пяточокъ за провозъ и прыгнуль на сушу. Тотчасъ же телѣга съ мальчикомъ и со спящей бабой со скрипомъ въѣхала на паромъ. Иеронимъ, слабо окрашиваемый огнями, налегъ на канатъ, изогнулся и сдвинуль съ мѣста паромъ...

Нѣсколько шаговъ я сдѣлалъ по грязи, но далѣе пришлось идти по мягкой, свѣже протоптанной тропинкѣ. Эта тропинка вела къ темнымъ, похожимъ на впадину, монастырскимъ воротами, сквозь облака дыма, сквозь беспорядочную толпу людей, распряженныхъ лошадей, телѣгъ, бричекъ. Все это скрипѣло, фыркало, смѣялось, и по всему мелькали багровый свѣтъ и волнистыя тѣни отъ дыма... Сущій хаосъ! И въ этой толкотнѣ находили еще мѣсто заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

По ту сторону стѣны, въ оградѣ, происходила не

меньшая суетня; но благочинія и порядка наблюдалось больше. Тут пахло можжевельникомъ и роснымъ ладаномъ. Говорили громко, но смѣха и фырканья не слышалось. Около могильныхъ памятниковъ и крестовъ жались другъ къ другу люди съ куличами и узлами. Повидимому, многіе изъ нихъ пріѣхали святить куличи издалека и были теперь утомлены. По чугуннымъ плитамъ, которыя лежали полосой отъ воротъ до церковной двери, суетливо, звонко стуча сапогами, бѣгали молодые послушники. На колокольнѣ тоже возились и кричали.

«Какая безпокойная ночь! думаль я. — Какъ хорошо!»

Безпокойство и безсонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неугомонная борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди снуютъ съ мѣста на мѣсто, слоняются и какъ будто чего-то ищутъ. Волна идетъ отъ входа и бѣжитъ по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвѣ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безпардонномъ шатаніи и толкотнѣ.

Та же необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ прідѣлахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей... Чтеній не

полагается никаких; пѣніе суебливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждыя десять минутъ.

Не успѣлъ я занять мѣста, какъ спереди хлынула волна и отбросила меня назадъ. Передо мной прошелъ высокій, плотный дьяконъ съ длинной, красной свѣчой; за нимъ спѣшилъ съ кадиломъ съдой архимандритъ въ золотой митрѣ. Когда они скрылись изъ виду, толпа оттиснула меня опять на прежнее мѣсто. Но не прошло и десяти минутъ, какъ хлынула новая волна, и опять показался дьяконъ. На этотъ разъ за нимъ шелъ отецъ-намѣстникъ, тотъ самый, который, по словамъ Іеронима, писалъ исторію монастыря.

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ, было невыносимо больно за Іеронима. Отчего его не смѣнять? Почему бы не пойти на паромъ кому-нибудь менѣе чувствующему и менѣе впечатлительному?

«Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь... пѣли на клиросѣ, — се бо приидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя...»

Я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества: но ни одинъ человекъ не вслушивался и не вникалъ въ то, что пѣлось, и ни у кого не «захватывало духа». Отчего не смѣнять Іеронима? Я могъ себѣ представить этого Іеронима, смиренно стоящаго гдѣнибудь у стѣны, согнувшася и жадно ловящаго красоту святой фразы. Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, упился бы до восторговъ, до захватыванія духа, и не было бы во всемъ храмѣ человекъ счастливѣе его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своему умершему брату и другу.

Сзади хлынула волна. Полный, улыбающійся

монахъ, играя четками и оглядываясь назадъ, бокомъ протискался около меня, пролагая путь какой-то дамѣ въ шляпкѣ и бархатной шубкѣ. Вслѣдъ за дамой, неся надъ нашими головами стулъ, торопился монастырскій служка.

Я вышелъ изъ церкви. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть мертваго Николая, безвѣстнаго сочинителя акафистовъ. Я прошелся около ограды, гдѣ вдоль стѣны тянулся рядъ монашескихъ келій, заглянувъ въ нѣсколько оконъ и ничего не увидѣвъ, вернулся назадъ. Теперь я не сожалею, что не видѣлъ Николая: Богъ знаетъ, быть можетъ, увидѣвъ его, я утратилъ бы образъ, который рисуетъ теперь мнѣ мое воображеніе. Этого симпатичнаго поэтическаго человѣка, выходившаго по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпавшаго свои акафисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, не понятаго и одинокаго, я представляю себѣ робкимъ, блѣднымъ, съ мягкими, кроткими и грустными чертами лица. Въ его глазахъ, рядомъ съ умомъ, должна свѣтиться ласка и та едва сдерживаемая, дѣтская восторженность, какая слышалась мнѣ въ голосъ Іеронима, когда тотъ приводилъ мнѣ цитаты изъ акафистовъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли, и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ. Чугунныя плиты, памятники и почки на деревьяхъ были подернуты росой. Въ воздухѣ рѣзко чувствовалась свѣжесть. За оградой уже не было того оживленія, какое я видѣлъ ночью. Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а отъ смоляныхъ бочекъ оставались однѣ только кучки чернаго пепла. Когда человѣкъ утомленъ и хочетъ спать, то ему кажется, что то же самое состояніе-переживаетъ и природа. Мнѣ казалось, что деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже и колокола звонили не такъ громко и весело, какъ ночью. Безпокойство кончилось, и отъ возбужденія осталась одна только пріятная

истома, жажда сна и тепла.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ воды вѣяло холодомъ и суровостью. Когда я прыгнуль на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщинъ. Канатъ влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христось воскресъ! Больше никого нѣтъ? спросилъ тихій голосъ. Я узналъ голосъ Иеронима. Теперь ночныя потемки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій, узкоплечій человекъ, лѣтъ 35, съ крупными округлыми чертами лица, съ полузакрытыми, лѣниво глядящими глазами и съ начесаной клиновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили? удивился я.

— Меня-съ? переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо, и улыбаясь. — Теперь ужъ некому смѣнять до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту сейчасъ разговляться пойдуть-съ.

Онъ, да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха, похожей на липовки, въ которыхъ продають медъ, поналегли на канатъ, дружно крякнули и паромъ тронулся съ мѣста

Мы поплыли, безпокая на пути лѣниво подымавшійся туманъ. Всѣ молчали Иеронимъ машинально работалъ одной рукой. Онъ долго водилъ по насъ своими кроткими, тусклыми глазами, потомъ остановилъ свой взглядъ на розовомъ, чернобровомъ лицѣ молоденькой купчихи, которая стояла на паромѣ рядомъ со мной и молча пожималась отъ обнимавшаго ее тумана. Отъ ея лица не отрывалъ онъ глазъ въ продолженіе всего пути.

Въ этомъ продолжительномъ взглядѣ было мало

мужского. Мнѣ кажется, что на лицѣ женщины Геронимъ искалъ мягкихъ и нѣжныхъ чертъ своего усопшаго друга.

КОНЕЦ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвицахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвицахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трѣхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сѣль и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временныя полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343

въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ
Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвицахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное
пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

